

черкивает, что в сущности речь идет не о подтипах одного типа этнических общностей, а о разных категориях (с. 27).

Здесь же замечу, что несмотря на известное неудобство, связанное с многозначностью, историки благополучно «обходятся» в своей работе имеющейся терминологией («феодалная народность» и т. д.)².

Вообще у ряда народов, подвергавшихся национальному угнетению, формирование «своего» класса буржуазии являлось тем компонентом этносоциального процесса, который встречал наибольшие трудности, поэтому, например, при капитализме лужицкие сербы, не имевшие национальной буржуазии, по своей социальной структуре несравненно больше отличались от немцев, чем в настоящее время, когда в условиях социалистического строя как немецкая нация в ГДР, так и ассоциированная с нею немногочисленная сербо-лужицкая народность имеют близкую структуру (рабочие, крестьяне, служащие, интеллигенция). В какой-то мере эта тенденция — сближение по своей социальной структуре с окружающим населением — присуща всем народностям в условиях социализма, с этим связано превращение наиболее развитых из них в нации.

Значительное место в книге уделено формированию этнического самосознания, в частности важной в истории ряда народов проблеме соотношения религиозного и этнического сознания. Обширный материал новой истории Центральной и Юго-Восточной Европы подтверждает тезис, что доминирование сознания религиозной принадлежности не означает полного отсутствия представлений о принадлежности к этнической общности, определявшейся, например, по языку. То же можно сказать о господстве среди класса феодалов в позднее средневековье представлений о так называемой «государственной нации» и ее (т. е. класса феодалов-землевладельцев) «историческом праве» на территорию государства (Венгрия, Польша). Эти представления не означали отсутствия этнического самосознания, хотя оно было ослаблено.

Ю. В. Бромлей последовательно придерживается характеристик этносоциальных организмов в зависимости от их социальной структуры (с. 30—31, 43—44, 50 и др.). При определении наций также «ведущее значение придается социально-экономическим параметрам» той или иной формации (с. 31). Приходится вновь отмечать этот, казалось бы, уже известный теоретический аспект, поскольку для историков с ним связано определение критериев начала и завершения процесса формирования нации. К сожалению, в исторических работах до сих пор встречаются попытки определить последний рубеж в отрыве от социально-экономических критериев, только на основе проявившегося чувства патриотизма и т. п. Практически в этом случае солидные научные критерии исчезают, и авторы таких работ встают на почву, открывающую возможность для произвольных выводов.

Актуально также утверждение автора о «зыбкости критерия» классификации народов по общности происхождения «в силу обычных для этногенеза многочисленных взаимодействий самых разнообразных народов» (с. 58). Этот тезис Ю. В. Бромлея получает широкое обоснование в разделе книги, посвященном критике современного расизма.

Наконец, в связи с имевшей место полемикой автор подробно аргументирует обоснованность причисления нации к этническим общностям, все исторические типы которых сопоставимы по таким свойствам (этнокультурным показателям), как язык, культура, особенности психики. Вместе с тем в этих исторических типах (племена, народности, нации) органически сочетаются социальные и этнические начала. В настоящее время вне этих выводов уже невозможно претендующее на научность конкретно-историческое изучение этносоциальных процессов.

В заключение подчеркнем, что книга Ю. В. Бромлея полезна не только для специалистов, но и для более широкого круга читателей, стремящихся приобрести научные знания в одной из сложнейших областей обществоведения.

В. И. Фрейдзон

² См., например: Мыльников А. С., Фрейдзон В. И. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVIII—XIX веках // *Вопр. истории*. 1987. № 8. С. 60—78.

НАРОДЫ СССР

О. С. Лукьянец. Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX — начале XX в. Кишинев, 1986. 114 с.

Последние десятилетия характеризуются возросшим вниманием советских исследователей к выявлению, обобщению и критическому анализу этнографического наследия дооктябрьского периода. Овладение любой наукой, в том числе этнографической, возможно лишь тогда, когда прослеживается исторический ход ее развития: когда и при каких условиях она возникла, как протекало ее формирование, какие идейные течения и научные направления нашли в ней свое отражение, каковы ее успехи на различных этапах.

История русской этнографии в целом изучена довольно хорошо. В 1960—1980-х годах вышло значительное число трудов, характеризующих и обобщающих историю этнографической науки, научных обществ и отдельных учреждений этнографического профиля, а также монографий, посвященных жизни и деятельности ряда ученых-этнографов, труды которых составили золотой фонд отечественной науки. Тем не менее история этнографического изучения ряда народов и регионов нашей страны известна далеко не полностью, что целиком относится к Молдавии. Монография О. С. Лукьянец «Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX — начале XX в.» восполняет данный пробел в истории отечественной науки. Достаточно указать, что в обобщающем труде «История русской этнографии» С. А. Токарева (1978), в котором характеризуются этнографические материалы и исследования как по славянам, так и по народам Кавказа, Средней Азии и Сибири в дооктябрьский период, об изучении Молдавии русскими и молдавскими учеными не говорится ни слова. Не имеется по этому региону сведений и в «Очерках истории исторической науки в СССР» (1975).

Большим достоинством работы О. С. Лукьянец является широкий хронологический охват темы. Этнографическое изучение молдавского народа русскими и молдавскими учеными рассматривается с момента присоединения Бессарабии к России (1812 г.) до начала XX в. Работа основана на широком круге источников. Помимо опубликованных сборников, монографий, статистических материалов автор использует документы, хранящиеся в архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Кишинева, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Кроме того, О. С. Лукьянец привлекает вещественные памятники, в частности этнографические коллекции, характеризующие культуру и быт народов Молдавии, сосредоточенные в фондах Государственного музея этнографии народов СССР и в музеях Молдавии.

В первой главе монографии, справедливо подчеркнув, что изучение этнографии Молдавии протекало в русле этнографического изучения страны в целом, автор называет русских и молдавских ученых, обращающихся к этой теме, характеризует процесс накопления этнографических материалов по культуре и быту молдавского народа с 1812 г. до 60-х годов XIX в. В историографии этого времени О. С. Лукьянец выделяет два периода: первую треть XIX в., когда изучение Бессарабии велось по заданию Министерства внутренних дел, Генерального штаба и других правительственных учреждений, и 1840—1860-е годы. Каждому из них посвящен специальный раздел. Характеризуя первый период, автор использует как опубликованные источники, так и архивные материалы, хранящиеся в фондах Министерства внутренних и Министерства иностранных дел. Она убедительно показывает, что наряду с топографическими и демографическими сведениями официальные отчеты, представленные в эти министерства, содержали довольно подробные сведения о духовной и материальной (жилище, одежда) культуре молдаван. В числе лиц, отчеты которых особенно интересны, автор называет чиновника Государственной комиссии иностранных дел П. Свиньина, который пользовался «интересной методикой», в частности анкетированием. Содержание анкеты, к сожалению, не приводится. Этот упрек можно отнести не только к данному случаю, но и к некоторым другим. Так на с. 11, 50, 52 упоминается об анкетах и вопросниках, по которым собирались материалы, однако сравнительной характеристики их, выявления удельного веса проблем, связанных с материальной культурой, социальными отношениями и т. д., не проводится. Между тем сравнительный анализ программ помог бы более четко выявить как тематическую направленность этнографического изучения региона, так и методический уровень исследований.

В разделе, посвященном 40—60-м годам XIX в., О. С. Лукьянец останавливается на роли в этнографических исследованиях добровольных научных обществ, в том числе Русского географического общества (РГО) и Одесского общества истории и древностей. Особую ценность первой главы представляют впервые публикуемые материалы из Исторического архива Молдавской ССР, в которых отражены связи между РГО и местными исследователями. Автор далее подробно анализирует труды русских исследователей о Молдавии (с. 29—33) и констатирует появление работ, написанных молдавскими учеными (А. Хашдеу, Б. Хашлеу и др.), внесшими, как это следует из второй главы, существенный вклад в изучение своего народа (с. 42—48). Несомненный интерес представляет раздел, посвященный периодической печати Молдавии, сыгравшей большую роль в стимулировании интереса к этнографическим знаниям о народах этого края. Не со всеми положениями автора можно согласиться. Так, анализируя работы А. А. Скальковского, исследовательница утверждает, что «сам факт обращения к отдельным аспектам экономической истории края говорил о том, что его интересы выходили за рамки дворянской историографии» (с. 16). Между тем экономика издавна привлекала внимание именно выходцев из дворянско-помещичьих слоев. Еще в XVIII в. появились работы по экономике земледелия и сельскохозяйственного производства. Созданное в 1765 г. Вольно-экономическое общество имело целью объединить крупных землевладельцев. В течение всей своей деятельности оно было центром дворянской научной мысли по вопросам сельскохозяйственного и промышленного предпринимательства. Эта установка нашла яркое отражение как в научной, так и в практической его деятельности, а также в многочисленных трудах, опубликованных обществом в XVIII—XIX вв.

Во второй и третьей главах монографии последовательно рассматривается развитие молдавской этнографии с 70-х годов XIX до начала XX в. В них отражена деятельность русских, украинских, молдавских ученых, которая рассматривается в историческом аспекте. О. С. Лукьянец характеризует их контакты с добровольными научными обществами Петербурга, Москвы, Одессы и Кишинева. Здесь же широко представлена дея-

тельность Бессарабского статистического комитета, а также местной периодической печати. Очень интересен материал, базируясь на котором, автор доказывает, что наряду с изучением экономики и материальной культуры в конце XIX в. в молдавской этнографии возрос интерес к этнопсихологии и этнолингвистике. Иными словами — молдавская этнография развивалась в общероссийском русле.

В процессе изложения О. С. Лукьянец вводит новые имена ученых-этнографов: П. Сырку, А. Защука, А. Матвеева. Указав, что А. Матвееву принадлежат ряд статей и программа, опубликованная в 1884 г. в «Бессарабских губернских ведомостях» (см. с. 50), автор, к сожалению, не сообщает, где жил и работал этот интересный ученый. Хотелось бы напомнить, что внимание к персоналиям для исследований подобного типа немаловажно. Непонятно, почему за рамками книги остались имена редакторов, от которых во многом зависело направление и наполнение «неофициального отдела» газеты, публиковавшего этнографические статьи. Остается неизвестным, кто именно входил в состав редколлегии даже в 80-е годы, когда, как справедливо отмечает автор, «Бессарабские губернские ведомости» превратились в своего рода центр, направляющий этнографические исследования в Бессарабии (с. 59). Аналогичные замечания можно сделать и относительно персоналий Одесского общества истории и древностей и Бессарабского статистического комитета, сыгравших большую роль в этнографическом изучении Молдавии.

Много нового фактического материала содержится в разделе «Краеведческое направление в молдавской этнографии» (с. 80—84), где прослеживается рост значимости местных учреждений (земских управ) и исследователей; характеризуются их связи с работниками центральных учреждений в деле музейного собирательства. Открываются и новые страницы деятельности сотрудника Этнографического отдела Русского музея — Н. М. Могилянского. О. С. Лукьянец подробно описывает историю комплектования молдавского фонда музея, знакомит с коллекцией предметов традиционной культуры молдаван Румынского музея и освещает собирательскую деятельность местных молдавских музеев (с. 57—62). Можно лишь пожалеть, что в поле зрения автора не попали гагаузские коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии АН СССР, поступившие туда в 90-е годы прошлого века.

В целом, как уже говорилось, книга О. С. Лукьянец представляет значительный вклад в историографическую литературу, посвященную дооктябрьскому периоду. Она написана на основе обильных и разнообразных источников, дающих четкое представление о ходе и основных этапах развития этнографических исследований народов Молдавии, в которых принимали участие как русские, так и молдавские ученые. В заключение выскажем пожелание, чтобы автор, столь успешно воссоздавший общую картину развития этнографии в Молдавии, продолжил и углубил свои исследования в отдельных ее областях, осветив, например, роль молдавской периодической печати в развитии этнографической науки.

Т. В. Станюкович

НАРОДЫ АФРИКИ

А. С. Балезин. *Африканские правители и вожди в Уганде*. М., 1986. 280 с.

Вот уже более 20 лет, как большинство стран Африки добились политической независимости. За немногим исключением (Лесото, Свазиленд) — это республики. Ныне в африканских странах есть парламенты или национальные ассамблеи, современные суды, работающие на основе французского или английского права, существуют политические партии (одна или несколько), проводятся избирательные кампании. Однако в ряде стран в составе парламента имеется палата вождей, встречаются и «партии вождей», проводятся пышные церемонии «интронизации» представителей древних династий, в состав Центрального комитета партии Народное движение революции (Заир) входит «император Лунда», в политической жизни Буркина Фасо активно участвует *моронаба* — верховный правитель народа и т. п.

Какое же место занимают в современной жизни Африки эти люди и связанные с древними системами власти институты? Может быть, это просто пышные декорации, ныне не имеющие никакого практического значения? Или, напротив, затанцованные до времени, затихшие в период колониального подчинения, а сейчас восставшие из пепла, как птица феникс, живые и вполне жизнеспособные системы? А возможно, это какой-то иной феномен, соединивший в себе как древние политические традиции, так и новейшие принципы буржуазной демократии? Какова их роль в современном мире и какое будущее им предуготовано?

Подобные вопросы все чаще задают себе африканисты. В той или иной мере касаться их вынуждены все авторы работ как по истории, так и по современному положению стран Африки. Однако предметом специального исследования проблема становится не часто. Можно назвать, пожалуй, только дискуссию на страницах журнала «Советская этнография», в которой проблема была скорее поставлена, а также работу Ю. Н. Зотовой¹.

¹ Зотова Ю. Н. Традиционные политические институты Нигерии. М., 1979.